

УДК 94(100) «05/16-18»

АБСОЛЮТНАЯ МОНАРХИЯ В СТРАНАХ ЗАПАДНОЙ ЕВРОПЫ КАК СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ СИСТЕМА

О. Н. Терехова

ABSOLUTE MONARCHY IN WESTERN EUROPE AS A SOCIO-POLITICAL SYSTEM

O. N. Terekhova

В статье рассматривается европейская абсолютная монархия как социально-политический феномен. Анализируются тенденции развития европейских государств и основные направления трансформации политических структур, выделяются определяющие черты абсолютной монархии. Автор анализирует разнообразные факторы, которые оказали влияние на становление и развитие абсолютной монархии в европейских странах. Показывается, что абсолютная монархия была явлением переходной эпохи, для которой было характерно сочетание старых и новых принципов управления. Освещаются историографические проблемы и основные подходы в трактовке абсолютной монархии. Особое внимание уделяется проблемам трансформации характера социальных связей как между государством и обществом в целом, так и между государством и отдельными социальными группами.

The paper analyzes the European absolute monarchy as a socio-political phenomenon. The trends in the development of European countries and the main directions of transformation of political structures are discussed, defining features of absolute monarchy are determined. The author examines various factors that influenced the formation and development of the absolute monarchy in Europe. It is shown that the absolute monarchy was a phenomenon of the transitional epoch, which was characterized by a combination of old and new principles of administration. Historiographical problems and main approaches to the interpretation of the absolute monarchy are described. Particular attention is paid to the transformation of the nature of social ties between the state and the society as a whole, as well as between the state and particular social groups.

Ключевые слова: европейский абсолютизм, монархия, королевская власть, социальные связи.

Keywords: European absolutism, monarchy, the royal power, social ties.

История абсолютной монархии и трансформации политических структур является одной из центральных проблем периода XV – XVIII вв., поскольку именно в рамках абсолютизма совершился переход от средневековой системы организации политической власти к новому типу государственности.

В XVI – XVII вв. важным фактором развития политических структур выступает территориальный. По словам П. Шоню, в XVII веке государства принимают оптимальный размер [12, с. 22]. Трансформация политических институтов привела к соседству государств различных типов – республик и монархий. Л. И. Ивонина отмечает, что большинству образованных европейцев XVI – XVII вв. республики представлялись старомодными и неразвитыми, а монархия как институт воспринималась как норма и, несмотря на критику современных им реалий, рассматривалась наилучшей формой правления [3, с. 110].

Преобладающей формой государственного устройства становится абсолютная монархия, а общие контуры эволюции политических структур в европейских государствах были идентичными.

В эволюции форм государственного устройства отчетливо проявилась диалектика общего и особенно в европейском историческом процессе – растущее осознание Европы как некоей географической и культурно-исторической общности и дальнейший рост самостоятельности отдельных национальных и многонациональных государственных образований, сопровождавшийся подъемом национального самосоз-

нания и разрывом универсалистских связей средневекового типа [4, с. 159].

Схожесть тенденций в эволюции политических структур можно объяснить, с одной стороны, тем, что формы государственной власти развиваются относительно самостоятельно, а с другой – тем, что они в большей степени, чем социально-экономические структуры, подвержены внешнему влиянию, обладают большей способностью к усвоению опыта и практики соседних, более развитых государств. Перри Андерсон отмечал, что французский абсолютизм «достиг своего институционального апофеоза в последние десятилетия XVII в. Структура государства и культура гармоничного правления, достигшая совершенства в правление Людовика XIV, стала моделью для остальной аристократии Европы: Испания, Португалия, Пьемонт и Пруссия были только наиболее очевидными примерами его влияния» [1, с. 96].

Проблема европейской абсолютной монархии и развития политических институтов занимает одно из центральных мест, как в зарубежной, так и отечественной историографии и является дискуссионной. Дискуссии охватывают различные аспекты проявления феномена «абсолютной монархии»: социально-экономические, политические, социокультурные, так как абсолютизм был комплексной моделью строения общества и государства XVI – XVIII вв.

Британский историк Н. Хеншелл, говоря о трактовках термина «абсолютизм», выделяет четыре подхода к изучению самого феномена. Марксистский, в котором «понятие «абсолютизм» полностью характе-

ризует существовавшую социально-экономическую систему» [11, с. 9]. Второй подход, по мнению Н. Хеншелла, «представляет «абсолютизм» спланированным воплощением теории, а не результатом действия обезличенных сил», которую изобрели интеллектуалы раннего Нового времени как «модернизованную, действенную, целенаправленную и разумную версию монархии» [11, с. 10]. Третья и четвертая точки зрения на происхождения абсолютизма, согласно Н. Хеншеллу, «считают главным фактором формирования «абсолютизма» практическую необходимость преобразований в стране» [11, с. 10]. Как одну из версий такого подхода Н. Хеншелл выделяет роль «военной революции» в формировании абсолютизма (об историографии роли «военной революции» в формировании института абсолютной монархии см.: 5, с. 38 – 42). Все подходы активно развивались с конца XIX вв., имеют давнюю историю, собственные традиции исследования и сторонников в зарубежной и отечественной историографии.

Не оспаривая выше приведенную типологию сущности абсолютизма Н. Хеншелла, позволим заметить, что различные подходы к его изучению по существу можно свести к двум магистральным концепциям: структурно-функциональной и социокультурной. Структурно-функциональный подход – рассматривает абсолютизм на вертикальном уровне, в контексте перехода от индивидуального к социальному. Социокультурный подход берет свое начало с «новой исторической науки», исторической антропологии, его основателями по праву можно считать нидерландского исследователя Й. Хейзинга и французского историка М. Блока. Работа Й. Хейзинга «Осень средневековья» вышла в 1919 г., а на русский язык была переведена и напечатана в 1988 г., после чего неоднократно переиздавалась [10]. М. Блок написал своих «Королей – чудотворцев» в 1924 г., а их перевод на русский язык был осуществлен в 1998 г. [2]. Сторонники социокультурного подхода к абсолютизму делают акцент на изучение многогранных социальных связей, менталитета западноевропейского общества эпохи абсолютизма, когда индивидуальное и социальное находятся в неразрывной связи друг с другом и возникает «единство социального и ментального, образующие историческую целостность» [9, с. 145].

Проиллюстрируем эти два подхода на примере концепций двух выдающихся специалистов в области изучения абсолютизма: британского историка-марксиста Перри Андерсона и немецкого историка-социолога Норберта Элиаса. Для П. Андерсона, как исследователя, придерживавшегося строго детерминистского принципа объяснения истории, к тому же стоящего на позициях марксизма, структурная составляющая всех элементов абсолютизма является аксиомой. «Абсолютизм был по своей сути именно перенацеленным и перезаряженным аппаратом феодального господства, созданным для того, чтобы вернуть крестьянские массы на их традиционные социальные позиции – несмотря на и вопреки тем приобретениям, которые они получили в результате замещения повинностей», – констатирует П. Андерсон [1, с. 18]. Таким образом, для него абсолютная монархия – это

порождение изменившейся социально-экономической ситуации.

Н. Элиас в своем подходе к абсолютизму идет с другой стороны, как бы изнутри самого феномена. Н. Элиас считал, что «...мы получим не только неполную, но и искаженную картину истории, если ограничимся тем, что истоки блеска эпохи Людовика XIV или – тем более – происхождение королевского двора и корни политики французского государства станем искать в неповторимой индивидуальности отдельных лиц» [13, с. 37].

Историко-социологическая концепция Н. Элиаса строится на понятии фигураций, которое он же и ввел в научный оборот. Под фигурациями, он понимает, социальные процессы и социальные связи, в которых люди тесно взаимодействуют друг с другом. Н. Элиас считает, что фигурации понятие не статичное, а динамичное. Фигурации постоянно изменяются и имеют свой неповторимый облик как на макроуровне, так и на микроуровне. Задача исторической социологии, по мнению Н. Элиаса, заключается в изучении причин складывания и механизма трансформации той или иной фигурации [13, с. 38 – 41].

Н. Элиаса, прежде всего, интересует внутренняя логика функционирования абсолютистского государства, механизмы которые связывали в социальном, культурном, психологическом и тому подобном плане общество эпохи абсолютизма, иными словами – социокультурная составляющая режима абсолютной монархии, что он блестяще продемонстрировал на примере анализа феномена придворного общества французского короля Людовика XIV. В подобной перспективе, абсолютизм выступает как сложная иерархическая система, пронизанная насквозь не только вертикальными, но и горизонтальными связями. Н. Элиас даже не пытается сформулировать определение абсолютизма. Оно ему и не нужно. Главный предмет его труда – один из сегментов абсолютизма придворное общество.

В 1980 – 2000 гг. сначала в зарубежной, а затем и в отечественной историографии наметились новые тенденции в изучении абсолютной монархии.

Французский историк Жоэль Корнет отмечает, что «возникла далекая от прямолинейного и несколько вневременного видения, отраженного в речах, политических и теоретических концепциях одних и тех же постоянно цитируемых авторов...», очень конкретная история местной и повседневной политической практики... Подобный подход позволяет понять разницу между своего рода идеальным государством и «реальным абсолютизмом», претворявшимся в жизнь его представителями. Кроме того, это история зачастую напряженных взаимоотношений между теорией и практикой, словом и делом, центром и периферией королевства» [Цит. по: 7, с. 174].

Центральная позиция связана с понимаем зарубежной и отечественной историографией характера власти и социальных связей в эпоху абсолютизма. С точки зрения формы правления абсолютную монархию можно определить как политический режим централизованного государства с юридически неограниченной властью монарха. Во Франции, например, мо-

нарху принадлежала вся полнота власти, и считалось, что все остальные лица и учреждения имеют какие-либо полномочия только в силу того, что их им делегировал король. Его компетенции подлежали все отрасли и любые вопросы управления, он имел право на личное вмешательство в традиционную компетенцию других органов. Его единоличное решение могло отменить любое другое решение, но само не могло быть обжаловано.

Возможно поэтому, в общественном мнении закрепилось стереотипное представление об абсолютной монархии как о форме государственного устройства, при которой монарху принадлежит неограниченная верховная власть. Многие видные фигуры эпохи абсолютизма стали для общества олицетворением тирании и беззакония – Ришелье, Мазарини, Людовик XIV и другие. Достаточно вспомнить судьбу, постигшую место захоронения кардинала Ришелье, могила которого неоднократно подвергалась публичному разграблению. 5 декабря 1793 г. толпа, «вооруженная» приказом Конвента разрушить гробницы «тиранов», ворвалась в церковь Сорбонны, где был захоронен прах кардинала. Надгробие было разбито, бальзамированная мумия растерзана. В майские дни студенческих волнений 1968 г. был разорван огромный портрет кардинала Ришелье кисти Филиппа де Шампена, сама гробница не пострадала только потому, что находилась на реставрации.

Не отрицая неограниченного характера власти монарха в эпоху абсолютизма, необходимо отметить, что в самих представлениях о власти того времени были заложены механизмы ограничения государственного принуждения. Таковым, например, являлось мнение о том, что король всегда обязан следовать принципу справедливости и соблюдать законы. Н. Е. Копосов отмечает, «что не только публицисты эпохи, но и виднейшие государственные деятели французского абсолютизма, такие, как Ришелье и Людовик XIV, полагали, что нарушения законности допустимы лишь в случае крайней государственной необходимости. Эту же точку зрения разделяла и масса королевских чиновников, в подавляющем большинстве получивших юридическое образование и воспитанных в духе почтения правовой традиции» [6, с. 44]. Кроме того, в эпоху абсолютизма существовала чрезвычайно сложная процедура изменения закона, что являлось существенным барьером на пути беззакония. Н. Хеншелл пишет, что «власть короны была абсолютной, но король, тем не менее, находился в сфере действия закона и мог привлекаться к суду. Она была абсолютной, но должна была уважать основные законы страны, например, запрет отчуждать свои владения. Будучи абсолютной, она допускала открытое проведение политических дискуссий» [11, с. 144].

Да и сами монархи отнюдь не воспринимали себя в качестве полновластных правителей. В. Н. Малов, анализируя психологический портрет Людовика XIV, обращается к знаменитому стереотипу: «Государство – это я». В. Н. Малов подчеркивает, что даже если эта фраза и была произнесена, то только в конкретной ситуации и в конкретном полемическом контексте с парламентом. В то время как приведенные цитаты из

«Мемуаров» Людовика XIV свидетельствуют об осознании монархом «общественного блага», «блага подданных» и тому подобное [8, с. 152].

В эпоху абсолютной монархии формируются принципиально новые социальные связи между европейскими монархами и римскими папами, правителем и подданными, государством и обществом.

Монархи эпохи абсолютизма, в первую очередь, стремятся освободиться от влияния внешних сил и пересмотреть характер сложившихся социальных связей с институтом Католической церкви. Н. Хеншелл писал, что «абсолютная монархия не могла существовать до XIV в., так как теоретически правители европейских государств являлись подданными папы и императора. Но с XIV в. они начали претендовать на *impegium*, или имперскую власть, делавшую их равными императору, который не подчинялся никому. Римское право стало источником цитат, в которых прославлялась королевская власть, а фраза «*rex in regno suo est Imperator*» («король в своем королевстве есть император») была сделана лозунгом» [11, с. 143].

Большое значение в этом процессе сыграли Реформация и антипапские настроения общества. Центральным принципом религиозных доктрин Реформации стал тезис об «оправдании верой» – учение о непосредственной связи человека с Богом. Провозглашалось, что «спасения» человека достигается не с помощью строгого выполнения обрядов, а на основе внутреннего Божьего дара – веры. Смысл учения об «оправдании верой» заключался в отрицании привилегированного положения духовенства, в отказе от церковной иерархии и супрематии папства. Это учение позволяло признать, что внутреннее общение с Богом осуществляется в ходе самой мирской жизни, с помощью должным образом устроенного светского порядка. Следовательно, этот порядок, и в первую очередь королевская власть, получал отныне религиозную санкцию на автономное развитие. Реформационные учения, таким образом, укрепляли позиции светской власти и государств в борьбе против притязаний папства.

Таким образом, церковь теряла автономию и стала частью государства, а королевская власть отстояла право на суверенитет и получила дополнительные доходы. Одновременно, сконцентрировав в своих руках светскую и религиозную власть, король становится официальным духовным лидером общества, а церковь приобретает национальный характер.

Одновременно королевская власть стремится освободиться от влияния аристократии, которая в эпоху абсолютизма начала превращаться в предмет беспокойства для королевской власти и источник политических смут. Эта линия трансформации социальных связей имела несколько направлений. Первая была связана с изменениями характера военного дела. Появление огнестрельного оружия привело к тому, что ни один замок не мог теперь устоять против артиллерии, появление ручного огнестрельного оружия сделало бессмысленным применение лат. Абсолютная монархия стала временем господства наемных армий, подчинявшихся королевской власти.

Немаловажную роль в трансформации характера социального взаимодействия между королевской властью и аристократией сыграли процессы централизации и изменение принципов управления. Н. Элиас пишет, что если бы у аристократа «была страна, которой он мог управлять, то благодаря своей реальной функции, благодаря обширности своей власти он всегда имел бы первенство перед графом. Для него и тогда было бы важно, хотя и не так необходимо выразить это первенство в общественном обиходе, ибо он находил бы себе реализацию не только таким способом. Но в абсолютистском сословном обществе различным дворянским степеням уже почти не соответствуют никакие потестарные функции. Это, в общем, только титулы, даруемые королем» [13, с. 82].

Однако представляется неверным говорить о разрыве между королевской властью и аристократией. Скорее наблюдается трансформация характера социальных связей и социальное дисциплинирование, формирование взаимосвязи и взаимозависимости между королем и аристократией. Королевская власть поощряет в среде аристократии новые социокультурные формы. В результате складывания королевского двора происходит постепенная трансформация рыцаря в галантного придворного. Монархи эпохи абсолютизма в отличие от средневековых королей раздавали не земли, а деньги и денежные ренты. Н. Элиас пишет «его деньги собирали вокруг себя этих людей», которых объединял и выделял из общества именно образ жизни, направляемый культом «роскоши» [13, с. 193]. Все это объединяло короля и аристократию в единое целое. Получение придворной должности обеспечивало ее держателю близость к королю, почет и социальное превосходство, за которыми стояло богатство и власть.

Следовательно, можно говорить, что кардинально изменилась политическая организация дворянства. Вассально-ленные отношения потеряли значение в качестве основы политической структуры общества. Поземельные отношения почти полностью отделились от личных связей, вассальные обязательства превратились в формальность, усилилась роль политических клиентел. Поскольку основной земельный фонд был исчерпан, материальной основой клиентел стало политическое покровительство и вознаграждение за счет новых источников доходов, главным из которых стали поступления от королевской службы. Используя соперничество внутри дворянства и систему клиентел, королевская власть, контролировавшая распределение почестей, должностей, пенсий, могла держать дворянство в повиновении, ибо в отличие от вассально-ленных отношений новая система предполагала постоянное наличие центрального распределения благ. Однако политическая роль этой организации дворянства была двойственной. С одной стороны, дворянские группировки были источником постоянного политического напряжения, так что малейшее ослабление королевской власти было чревато смутой. С другой, через систему клиентел дворянство оказывалось тесно связанным с монархом и государством. Перестройка социальных связей между государством

и феодальным сословием была важнейшим условием существования абсолютной монархий.

Таким образом, создание централизованного государства и усиление королевской власти было вызвано необходимостью отстранения духовенства и аристократии от участия в политике. Н. Хеншелл считает, что «абсолютная власть была защитным механизмом, который делал монарха независимым от церкви и знати. Чем больше прав государи старались закрепить за собой, чтобы создать противовес этим своим конкурентам, тем четче они определяли права подданных. Пока королевские полномочия были ограничены какой-либо внешней властью, гарантии свободы подданных четко не оговаривались. Когда королевская власть стала суверенной, гарантии прав были определены» [11, с. 144 – 145].

В XVI – XVII вв. происходит становление государственных сфер управления в различных областях. Формируется государственный контроль за образованием и социальным обеспечением, так как школы и богадельни находились в ведении церкви. Государственная власть осуществляет продовольственное снабжение, регулирование рыночной торговли, централизованный импорт. Государство берет под свой контроль вопросы внутренней безопасности и надзор за порядком и другие. Создание регулярной армии и переход государства к системе постоянных налогов потребовали и соответствующих управленческих структур. В принципе эти вопросы решались государством и в предыдущие эпохи, но теперь они приобретают регулярную институциональную основу. Формирование бюрократии и нового типа социальных связей позволяет говорить, что в эпоху абсолютизма в европейских странах складываются основы государственного аппарата нового типа.

Прочные социальные связи формируются между королевской властью и городским населением, особенно раннекапиталистическими элементами. Королевская власть должна была учитывать их укрепившиеся позиции и в какой-то мере ориентироваться в своем функционировании на них. Буржуазия нуждается в покровительстве и поддержке, а королевская власть в кредитах и финансовой помощи, налоговых поступлениях от промышленности и торговли.

Таким образом, очевидно, что в XVII в. королевская власть возвышается над средневековой иерархией и начинает осознавать себя как общественный институт, призванный служить государственным интересам. Существенно меняется характер социальных связей. В средневековом обществе они представляли собой во многом выстроенные на контрактной договорной основе персонифицированные отношения. В эпоху абсолютной монархии социальные связи приобретают институциональный и унифицированный характер. В результате изменения социально-экономической ситуации развивается идея подданства, всеобщей зависимости от королевской власти.

Литература

1. Андерсон П. Родословная абсолютистского государства. М.: Территория будущего, 2010. 512 с.
2. Блок М. Короли – чудотворцы: Очерк представлений о сверхъестественном характере королевской власти, распространенных преимущественно во Франции и Англии. М.: Языки русской культуры, 1998. 712 с.
3. Ивонина Л. И. Придворная жизнь в эпоху Карла II Стюарта // Вопросы истории. 2010. № 11. С. 110 – 123.
4. Кареев В. М. Введение // История Европы. Т. 3: От средневековья к новому времени (конец XV – первая половина XVII в.). М.: Наука, 1993. С. 159 – 163.
5. Ким О. В. Военный фактор в социально-политической трансформации общества раннего Нового времени // Гуманитарные науки и образование в XXI веке. Социокультурные и политические трансформации на европейском и евразийском пространстве в новое и новейшее время: тезисы Международной научной конференции. Кемерово, 2012. С. 38 – 42.
6. Копосов Н. Е. Абсолютная монархия во Франции // Вопросы истории. 1989. № 1. С. 25 – 45.
7. Ле Мао К. Людовик XIV и парламент Бордо: весьма умеренный абсолютизм // Французский ежегодник 2005: Абсолютизм во Франции. К 100-летию Б. Ф. Поршнева (1905 – 1972). М.: Едиториал УРСС, 2005. С. 174 – 194.
8. Малов В. Н. Людовик XIV: опыт психологической характеристики // Новая и Новейшая история. 1996. № 6. С. 152 – 169.
9. Могильницкий Б. Г. История исторической мысли XX века: Курс лекций. Вып. III: Историографическая революция. Томск: Издательство Томского университета, 2008. 554 с.
10. Хейзинга Й. Осень средневековья: исследование форм жизненного уклада и форм мышления в XIV и XV веках во Франции и Нидерландах. М.: Прогресс – Культура, 1995. 416 с.
11. Хеншелл Н. Миф абсолютизма. Перемены и преемственность в развитии западноевропейской монархии раннего Нового времени. СПб.: Алетейя, 2003. 272 с.
12. Шюню П. Цивилизация классической Европы. Екатеринбург: У-Фактория, 2005. 608 с.
13. Элиас Н. Придворное общество: Исследования по социологии короля и придворной аристократии, с Введением: Социология и история. М.: Языки славянской культуры, 2002. 368 с.

Информация об авторе:

Терехова Оксана Николаевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории цивилизаций и социокультурных коммуникаций КемГУ, terehov1968@mail.ru.

Oksana N. Terekhova – Candidate of History, Assistant Professor at the Department of History of Civilization and Socio-Cultural Communications, Kemerovo State University.

Статья поступила в редколлегию 04.06.2015 г.